

премьера

После 2001-й Ки-Дук с...

Будда буду

выходит «Весна, лето, осень, зима... и снова весна»
Ким Ки-Дук

Йонг Хо Ким сыграл буддистского монаха в детстве: многообещающий мальчик уже научился мучить лягушек

АНТОН ДОЛИН

Потрясающе плодовитый гурю южнокорейского кино Ким Ки-Дук (обычно служащий полномочным представителем своего народа на международных фестивалях) работает один за всех. Недаром одновременно с пограничной «Береговой охраной» в России выходит другой его фильм, притча с длинным названием «Весна, лето, осень, зима... и снова весна». На фестивале в Локарно публика, больше привычная к жестокой и бескомпромиссной ипостаси режиссера, встречала эту живописную картину овацией.

Понять зрителей, испытывающих эйфорию по поводу нового произведения Ким Ки-Дука, можно без труда. Те, кто питает слабость к азиатским загадочностям и красавостям, получают то, о чем всегда мечтали — подлинную квинтэссенцию буддистской поэзии. Другие, предпочитающие банальный Голливуд, будут счастливы встретить наконец хоть что-то понятное и доступное в непростом мире авторского кино. Тем более что всем известно: Ким Ки-Дук снимает фильмы не для слабых духом. Поэтому особенно приятно посмотреть, понять и полюбить его картину, в которой почти нет пыток людей и животных, экстремального секса, унижений и убийств. Только неторопливая, разбитая на живописные картины календарной природы (дивной, дивной красоты), история двух монахов. Один, пожилой и мудрый, пестует зверушек, подметает платформу посреди горного озерца — там и происходит действие, — иногда медитирует у старинной статуэтки Будды. Другой, юный и мятущийся, сперва мучает змей и лягушек, потом влюбляется в паломницу, бежит из тихого пристанища, убивает свою любовницу, возвращается обратно, выходит из тюрьмы, возвращается еще раз, чтобы — ясное дело — превратиться в своего учителя, умудренного и немолодого. И воспитать в течение «снова весны» нового мальчика. Цикл замкнулся, времена года пошли по кругу.

Если вам близок Ким Ки-Дук, можете верить всему высказанному и видеть в нем субстанцию картины. Сравнивайте «Весну, лето...» с азиатскими шедеврами прошлого года — японскими «Куклами» и китайским «Героем». На самом деле эта корейская сказочка далека как от космического исследования Такеси Китано, так и от государственнического эпоса Чжана Имоу. Ким Ки-Дук

снял фильм отнюдь не о временах года, и не о буддизме. О чем же? — спросите вы. Да проще некуда: о себе, любимом — центральном предмете всего творчества Ким Ки-Дука. Поэтому не стоит доверять и тем, кто будет кричать о «рождении нового, никем не виденного Ким Ки-Дука». Ерунда все это. Каким был, таким и остался.

«Весна, лето, осень, зима... и снова весна» — почти что каталог фирменных приемов Ким Ки-Дука. Пейзаж организован так же, как в «Острове»: посреди озера живут на рукотворном плавучем островке люди, периодически переезжающие на материк на ветхой весельной лодке. В том же «Острове» из живой рыбы вырезали кусочек для самодельного суси, в фильме «Адрес неизвестен» живодееры терзали собак: ну а здесь мальчишка сперва привязывает камни к рыбе, лягушке и змее, а затем рыдает над холодными трупами почивших тварей. Это наставник мальчика научил, что издеваться над братьями меньшими нехорошо. Дитя стало юношей и влюбилось в девушку, а потом и девушке худо пришлось, прямо как в «Плохом парне» того же автора. Но вновь вмешался учитель, и безумец образумился. Вот где тонкость: с одной стороны, понятно, что все монахи суть единый человек, переживающий этап за этапом необходимую духовную эволюцию, а с другой, очевидно, что прием этот Ким Ки-Дуку (одного из монахов сыграл он сам, дебютировав как актер, и не случайно же!) необходим для самооправдания. Дескать, не такой уж я извращенец, есть во мне помимо мистера Хайда и добрый доктор Джекил. Неотесанный Хайд предается безумствам телесной любви — умудренный бритоголовый Джекил неодобрительно цокает и кивает головой. Страстный Хайд, как Рогожин, режет любовницу ножом, а Джекил поручает ему вырезать этим же ножом буддистскую сутру на деревянном полу. Ночь потрудится — и переберется, успокоится.

Похвально, но, право, неубедительно. Как уезжает грешник в уединенную обитель отшельника, дабы очиститься внутренне и внешне, помолиться Будде и расслабиться, так и Ким Ки-Дук решил сделать перерыв для фильма внешне спокойного, красивого и умного (пусть все максимумы здесь банальны, даже не из Ларошфуко и Монтеня, а из сборника «В мире мудрых мыслей»). А заодно привлечь на свою сторону побольше зрителей, заработать денег и заслужить почет в качестве классика восточного кино. Выгодная сделка. Только ведь любой грешник после отпуска встряхнется, да и пустится снова во все тяжкие. Таких людей не исправить. Вот и Ким Ки-Дук, как пить дать, новый фильм скоро начнет снимать, а там опять о Будде забудет. Впрочем, ему и сейчас на Будду наплевать. Он сам себе Будда. Как любой режиссер, признанный великим. Или, по меньшей мере, считающий себя таковым.